

Кузнецов А.Ю.

ЭВРИСТИКА МАРГИНАЛЬНЫХ ДИСКУРСОВ ПОСТМОДЕРНИЗМА

Сова Минервы никогда не чувствовала себя в одиночестве, ибо гнезда иных философствующих систем всегда создавали дискомфорт альтернативности, приводящий к выяснению отношений. Возможно, эти войны были менее кровопролитными и шумными, чем те же религиозные, однако классики и подмастерья философии посредством отточенных или не очень понятий противопоставляли себя как мудрость, автохтонность которой в нимбах ее апологетов и неопитов, ереси сожительства с лукавыми демонами философом. Под лукавством понималось введение в заблуждение, или искреннее непонимание действительно непростых процессов мышления и познания. В исторической поступи культуры можно найти немало примеров как сосуществования, так и противостояния абсолютно различных культурологических методологов: Аменхотеп IV и жреческая каста, Моисей и ропот племени, Платон и Перикл, Татиан и греческое наследие, Иерусалим и Афины Тертуллиана.

Часто множественные аберрации приводили к результатам, прямо противоположным изначальным декларациям мессианских претензий – инквизиция, сегрегация, Хиросима, гетто. Возможно, для теоретиков Великих путей человечества вышеперечисленное выступает не более чем эпифеноменальные случайности, однако никогда небытие не определялось эпифеноменом относительно бытия, и прежде всего, органического.

Сегодня не менее яркой, чем вышеперечисленные, оппозицией основному направлению в культуре и дискурсам, составляющих ее целое, выступает мощная постмодернистская инициатива, подрывающая основания любых дискурсов – методологических, эстетических, аксиологических, гносеологических и, что ничуть не парадоксально, собственных [1]. В силу подобной направленности сам постмодернизм подвергается столь же беспощадной критике всех вышеперечисленных дискурсов, что не может не быть актуальным для любого философского сообщества, ибо оно всегда исторично либо в своей догматике, либо в “староотеческих святцах”.

Трудно не согласиться с тем, что постмодернизм выступает маргинальной теорией, поместившей себя в историю после “штампов” рационалистического мироощущения. Здесь был бы вполне уместным оборот между, однако автор этих строк не знает, возможно, и существующих постмодернистских определенностей в истории. Однако задачей данной статьи не является еще одно “опровержение” методологических претензий постмодернистского натиска. В недавней истории хронотопа, изнутри которого пишутся эти тезисы, различные “критики” были составной частью упомянутого хронотопа – критика буржуазной философии, политэкономии, ценностей, атеистическая критика и много других. Думается, что если бы негации были менее эмоциональны, а методологии критики менее идеологичны, то конвергентный опыт, предложенный соперниками, позволил бы более адекватно отреагировать на исторический вызов.

Именно поэтому цель данной статьи – посильная реабилитация тех методологических новаций постмодернизма, которые зачастую утрируются в общем контексте критики постмодернизма. Новаций, которые дают возможность взглянуть на несовершенства предшествующего концептуального каркаса и, возможно, переосмыслить некоторые, не столь бесспорно воспринимаемые, методологемы.

Трудно оспаривать очевидность того факта, что постмодернизм позиционирует себя с альтернативностью. Подобного рода альтернативность можно характеризовать

как предикат маргинального. В истории культуры в целом и философии в частности альтернативность такого рода – скорее правило, чем исключение. Так, на смену методологии теоцентризма средних веков приходит альтернативное мировоззрение, на знаменах которого антропоцентризм противопоставляет себя не только в сферах божественного, но также и в культуре, и в философии как части культуры. Именно из этой альтернативности и возникает новая философская методологема, получившая название рационализма. Можно вспомнить, что когда-то и христианство как монометодологический феномен предложило себя в качестве альтернативности политеизма, как гораздо раньше те же претензии манифестировал иудаизм.

Что же являлось основанием возникновения подобного рода альтернатив? Только ли неприятие окружающего мира и, в связи с этим, нравственные протесты, артикулирующие себя в калейдоскопе дискурсов? И тем более интересным является то, как альтернативное, маргинальное превращается в осознанную, претендующую на методологичность и теоретичность рефлексию. И все это дополняется тем, что маргинальность из эпифеноменальных ареалов перемещается сегодня на авансцену культурного представления, где мизансцены предполагают в качестве хорошего тона принятия маргинальных словарей и концептуальных каркасов. К сожалению, даже в случаях асоциально направленных тенденций маргинальность принимается как неизбежность и, как часто бывает, коррелируется социальными же методами.

Пути развития философии неоднократно классифицировались, и в перечне классификаций нетрудно найти основание для объяснения любого направления в истории философии. Так, согласно гегелевской теории стадийного развития философии, которая включает в себя три основных этапа – догматическое мышление, скептическое, системное научное знание, – постмодернизм комфортно располагается в нише скептического мышления, что подтверждается следующими гегелевскими пассажами из работы “Наука логики”: “Древние скептики называли догматической вообще всякую философию, поскольку она выставляет определенные положения. В этом, более широком смысле, скептицизм признает догматической также и собственно спекулятивную философию. Но догматизм в более узком смысле состоит в том, что удерживаются односторонние рассудочные и исключаются противоположные определения. Это вообще строгое или-или, согласно которому утверждают, например, что мир или конечен, или бесконечен, но непременно лишь одно из этих двух. ... В философии часто односторонность сопоставляется с тотальностью и утверждается, что односторонность есть по сравнению с последней некоторое особенное, незыблемое. Но на самом деле одностороннее не есть нечто незыблемое и существующее для себя, а содержится в целом как снятое” [2, с. 39].

Отдавая должное науке и научному знанию, трудно не отметить ее освободительную миссию, имея в виду освобождение от различного рода предрассудков и иллюзий, сопровождающих все развитие человечества. И сегодня основной ценностью науки можно считать ее претензии на верификацию любых проблем. Каковы методы верификации – это проблема самой науки, имеющая собственную долгую историю. И то, что некоторые проблемы игнорируются наукой как бессмысленные, аргументируется самой же наукой или тем, как она себя позиционирует в системе сосуществующих дискурсов. Отсюда естественна озабоченность лишенных внимания науки дискурсов – философского, религиозного и соответственно этой озабоченности – деятельность по созданию собственной аргументационной базы, в основаниях которой кроются собственные же, в том числе и альтернативные научным, утверждения. Именно здесь и следует искать те основания, к которым апеллирует скептицизм в лице новейших эпистемологических

жанров относительно научного знания, демонстрируя последнее как ограничено предметное и беспомощное в решении мировоззренческих вопросов.

Разумеется, постмодернисты позиционируют себя не только в качестве современных неофитов скептицизма. Прежде всего оружием скептической критики подвергается, как и во все эпохи, “культ” разума. В этом смысле можно отметить некое предрасположение к опрощению достоинств разума вообще и в бинарных формах его проявления в частности (мужской-женский, пролетарский-буржуазный, обыденный-научный и т.д.). Это естественное свойство рассудка – вряд ли стоит в данном случае заручаться гегелевскими аргументами – справедливо является основанием для здорового релятивизма. Именно на этом этапе возникает искушение усомниться в научности вообще и радикализировать эпистемологические акценты. Однако здоровый релятивизм лечится философскими же основаниями. Релятивизм же, ведущий к ниспровержению любых оснований – в том числе собственных, расписывается, тем самым, в собственной беспомощности. Правда, ему мнится, что в этой же беспомощности должны (почему-то) расписаться и объекты его критики, которые, как правило, либо не уделяют “сокрушительности” критики достаточного внимания, либо просто не замечают ее.

Говоря о методологических основаниях постмодернизма, следует особо подчеркнуть, что он отрицает не какие-либо методы или методики философствования, не какие-либо философские направления. Постмодернизм отрицает систему философствования в целом как исторически и логически дискредитировавшую себя. Дискредитация же характеризуется формированием репрессивного подхода к восприятию мира, а сам репрессивный подход, академически артикулированный как логоцентризм, становится основным объектом критики.

Предложенное и теоретически обоснованное метром эпохи постмодернизма Дерридой понятие логоцентризма становится базовым в критическом концептуальном каркасе сначала постструктурализма, а затем и постмодернизма. Основываясь на опыте философской критики, прежде всего Ницше и Хайдеггера, Деррида рассматривает логоцентризм как предикат западноевропейской рационалистической традиции, истоки которой следует искать в хронотопах кватроченто. Драматическая смена методологием образно представлена в работах van Aeken'a, выразившего крах предшествующей аксиосферы в композициях, изломанная метафоричность которых не просто удручает, а заставляет задуматься о тщетности и бренности не плотских, а духовных констант. Вполне возможно, что центризм, артикулируемый в христианской догматической философии как теоцентризм, в мироощущении босховского типа, вопрошает об альтернативности и порождает в своих желаниях форму антропоцентрического дискурса. Хаос маргинального периода апеллирует к стремлению упорядочения форм бытия, приданию ему легитимного статуса. Подобным основанием и выступила парадигма рационализма в единстве всех ее оснований, прежде всего философских.

Именно эти основания и послужили предметом постмодернистской критики, в качестве исходного определившей один из смыслообразующих историко-философских концептов – логос. Следует отметить, что в силу многоплановости своего содержания упомянутый концепт включен в концептуальные каркасы практически всех значимых в истории философии философских систем и направлений. От древнегреческой философии через отцов церкви к христианской догматике и далее к системам немецкой классической философии, русских космистов и прочим догматическим метафизикам. Данный концепт становится символом в культуре западного хронотопа, во многом и определив его стиль ментальности. основополагающее положение данного концепта

в концептуальном каркасе антропоцентрического мировоззрения и вызвало, судя по всему, столь жесткую критику в свой адрес. Десакрализация смыслов концепта “логос” вплоть до эпифеноменальных ареалов его влияния формулируется первой задачей постмодернистского типа рефлексирования. Достаточно полно подобное стремление выражено в предложенной Деррида стратегии, которая в качестве скрытой методологемы предлагает дезавуировать прежде всего аксиологические претензии построенной на смыслах концепта системы мироощущения. Сутью данной стратегии выступает игровое отношение к концептуальному “монстру”. Само это отношение должно, по мнению Деррида, изъяслять основные положения рационализма, основной сутью которого выступал логоцентризм.

И до постмодернизма приемы иронии, прежде всего относительно литературных текстов, достаточно широко пользовались представителями различных художественных школ. Переход же к иному истолкованию иронии связывается с именем Пойриера, противопоставившему “пародию” и “самопародию”, придав последней разрушительный импульс: “в то время как пародия традиционно стремилась доказать, что, с позиции жизни, истории и реальности, некоторые литературные стили выглядят устаревшими, – литература самопародии как абсолютно неуверенная в авторитете подобных ориентиров подвергает осмеянию и самое усилие установить правильность посредством акта письма”[3].

Базовая для постмодернизма идея пародии, заставляющая переосмысливать все основные концепты философствования, поименована в постмодернизме как “пастиш” и “фундирована финальной дискредитацией самого понятия “лингвистическая норма” [4].

Импульсы иронии направляются постмодернизмом в бастионы непоколебимой уверенности логоцентристского мировоззрения, а именно: в фетиши наличия имманентно присущему бытию глубинного смысла, а также логичности и детерминированности сущностей, от феноменальных до универсальных. Корни фанатической убежденности логоцентристских философских систем постмодернизм видит в авторской детерминации, его презумпции целеполагания, которое и эманурует логику и смыслы в процесс бытия.

Подмеченная постмодернизмом черта детерминирующей бытие авторской определенности не является столь уж оригинальной в контексте мизансцен философии истории. Диалектика субъектно-объектных отношений – проблемное поле, усеянное остатками многих эпистемологических систем. Начиная с античности, и не только греческой, в моделях космогенеза мироздания присутствует некто или нечто – порождающие и деятельные.

От Платона до Плотина, от Иеронима до Эразма, от христианской экзегетики до герменевтики вопрос об авторской идентичности, прежде всего в понимании текстов, не был праздным. Бахтинское же видение авторской позиции и ее отличие от позиции героя становится хрестоматийным в противопоставлении содержательно объективированной авторской и субъективно идентифицированной позиции героя или героев.

Основная особенность автора, вызывающая дежавю о божественности, заключается в знании финальных аккордов как мизансцен, так и действия в целом. Автор не обязательно мистифицирован, он может артикулироваться и как некое правило или закон.

В интерпретациях постмодернизмом места автора в исторических типах культуры, понимаемых нами как хронотопы, можно выделить следующие инварианты:

- творческая деятельность (как правило, предполагаемая);
- коллективный или индивидуальный образ агента деятельности;
- генезис и хронологические рамки субъекта деятельности;

- типы структурирования моделей мироздания;
- характер и формы присвоения (авторское право);
- семантические смыслы концепта;
- гарантии социальной или концептуальной адаптивности идеи;
- проблемы идентификации текстов;
- стили идентификации авторства;
- проблемы реконструкции авторского текста;
- от “психологического аспекта интерпретации” Дильтея к “биографическому анализу” Г. Миша;
- автор и нарратив (древнегреческий хор Арндта, фабула Ингардена, “смысл завершения” Ф. Кармоуда);
- аспекты авторского содержания (индивидуально-личностные, социально-психологические, дискурсивно-текстологические);
- авторское место в контексте дискурсивных практик;
- определенность авторства как дискурсивная и трансдискурсивная позиции;
- типы дискурсивности: *istraurateur – fondateur*;
- онтологическая заданность авторских смыслов и текстуальная легитимизация дискурсов власти;
- автор как герой модерна и постмодернизм как “погребение” автора;
- авторские мизансцены и “молчащие” наблюдатели и т.д.

Таким образом, постмодернистская чувствительность вполне уместно акцентировала основное внимание своей авторской позиции на эпифеноменально воспринимающихся классической культурной традицией предикатах основного концепта рационализма – Логоса. Умножающаяся критика данного концепта естественно привела к утрированию всех имеющихся в контекстном ареале смыслов рассматриваемого концепта. В поле элиминации смыслов оказались не только художественные контексты, но также и методологемы хронотопов, в том числе и модернистского.

Громя логоцентристские методологемы, посмодернизм все же пытается, по крайней мере декларируя это, объяснить феномен логоцентризма и по возможности преодолеть его. Постмодернизм видит в культивируемой логофилии западного мироощущения неуверенность в объяснительных возможностях кантовского дискурсивного мышления. Паника перед неупорядоченностью, отмеченная еще в античности, преодолевалась принятием некоторых конвенций в тех или иных отраслях знания. Так, за такую конвенцию можно считать эвклидовы постулаты в геометрии или птолемеевские эпициклы. Интересно, что сколь бы сильной ни была уверенность в своей правоте современников данной конвенции, но вновь возникшие геометрии Лобачевского, Бойя, Римана, Минковского развеяли иллюзии относительно устойчивости конвенциональных соглашений в научном знании, а критика историцистских методологем окончательно дезавуировала подобный способ научной аргументации.

У того же Канта названа альтернатива дискурсивному мышлению – интуитивное. Возможно, генезис логоцентризма и следует начинать рассматривать с первой критики, а не с декартовского *cogito*, поскольку альтернативность дискурсивного и интуитивного “спровоцирована” небрежением именно к интуитивной форме мышления.

Естественно, что линейная дискурсивность выглядит более мощным методологическим инструментом, чем нелинейность, которая по природе трудно систематизируема и уязвима для критики. В случае же презумпции линейной дискурсивности легитимизация последней и является основанием для критикуемых

постмодернизмом логоцентризма и логофилии как основных методологических пороков западного типа мышления.

Таким образом, суть исторической полемики сводится к критике различных типов методологием и лаконично выражена следующей цитатой: “Постмодернисты занимаются постмодерном, чтобы уклониться от исторической работы (они не сумели бы, да и не захотели бы ее делать); постмодернисты занимаются точечным позитивизмом, чтобы уйти от вопросов, которые им ставит порой сам постмодерн. Необходимо исключить это противостояние и решительно поставить самые радикальные вопросы о самом исследователе и его объекте, но имея на вооружении все средства и требовательность самых точных, «позитивных» наук, чтобы достичь большей научности, а не уничтожить науку в фейерверочных огнях нигилизма” [5].

В качестве вывода из вышеизложенного можно считать следующее утверждение: выход из сложившихся в результате постмодернистских критик проблем, постоянно прописывающихся в поле философской методологии, следует искать, согласно постмодернизму, в методологиемах самого же постмодернизма, в частности в неопредетерминистских версиях интерпретации феномена детерминизма в современной культуре, в первую очередь фундирующих отказ от жесткой каузальности.

Литература:

1. Барт Р. S/Z. – М.: Изд-во “Ad Marginem”. – 1994.- 303 с.; Деррида Ж. Differance. – Томск.: Издательство “Водолей”, 1999. – 160 с.; Деррида Ж. О грамматологии: Пер. с фр. и вступ. ст. Н. Автономовой. — М.: Изд-во «Ad Marginem», 2000. — 511 с.; Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. – М.: Прогресс, 1977.-487 с.; Фуко М. Рождение клиники. – М.: Смысл, 1998. – 310 с.; Derrida J. Structure, sign, and play in the discourse of human sciences // The structuralist controversy – Baltimore, 1972. – P. 256-271.; Kristeva J. Desire in language: A semiotic approach to literature and art. – N.Y., 1980. – 336 p.
2. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. – Т. 1. Наука логики. – М.: Мысль. – С. 39 – 451.
3. <http://infoлио.asf.ru/philos/postmod/pastish.html>
4. Jameson Fredric. Postmodernism, Or the Cultural Logic of Late Capitalism. Duke University Press. Durham, NC. 1991.
5. Бурдьё П. За рационалистический историзм. – Социо-Логос постмодернизма 97. Альманах Российско-французского центра социологических исследований Института социологии РАН. – М.: Институт экспериментальной социологии, 1996. – С. 9-29.